

Посвящается
В. Майклу Коннелли и Мэри Макэвой-Коннелли

ЧАСТЬ I

Воскресенье, 20 мая

Мальчишка не мог видеть в темноте, но этого и не требовалось. Жизненный опыт и длительная практика в таких вещах подсказывали ему, что это и к лучшему. Ровно и гладко... Плавные взмахи с полным вынесением руки вперед и одновременным подворачиванием кисти... Главное — не останавливаться. Никакой суеты и спешки. Восхитительно...

Он слышал шипение выходящей из баллончика тугой струи и чувствовал приятную равномерность движения, покатость твердой поверхности. Все это были ощущения, для него успокаивающие. Запах напомнил ему о другой краске — той, что лежала у него в кармане, в носке, и он подумал, что неплохо бы приложиться, словить кайф. Не сейчас, пожалуй, решил он. Попозже. Ему не хотелось останавливаться до тех пор, пока в одно касание не завершит свою настенную роспись.

Внезапно он остановился: перекрывая шипение краско-распылителя, до него донесся звук мотора. Парень огляделся, но не увидел никаких огней, если не считать серебристо-белого лунного отблеска на резервуаре и тусклой лампочки над дверью насосной, на полпути через плотину.

Однако звук не стихал. Явно приближался какой-то транспорт. Малому подумалось, что звук похож на шум грузовика. А затем ему показалось, что он слышит хруст гравия под покрывками вдали, на подъездной дороге, окаймляющей резервуар. Все ближе и ближе. Было почти три часа ночи, но тем не менее кто-то сюда приехал. Зачем?

Чего ради? Парень выпрямился и швырнул баллончик через ограду, в сторону воды. Он услышал, как металл звякнул в кустах, не долетев. Он вытащил из кармана носок и решил быстро нюхнуть разок, для храбрости. Уткнулся носом и жадно втянул в себя пары краски. Его качнуло назад, и ресницы непроизвольно вздрогнули. Потом, размахнувшись, мальчишка швырнул носок за ограду.

Он поднял свой мотоцикл и через дорогу стал отводить его назад, туда, где у подножия холма были заросли полевого хвоща. Это хорошее укрытие, подумал он, оттуда можно увидеть все, что происходит. Звук мотора был теперь совсем близко. Парень был уверен, что машина находится совсем близко: еще каких-нибудь несколько секунд — и она появится. Но почему-то не было видно света фар. Это его озадачило. Но бежать все равно было уже поздно. Положив мотоцикл набок, он спрятал его в высокой коричневатой траве и ладонью остановил вращение переднего колеса. Затем припал к земле и стал ждать приближения кого-то или чего-то.

Гарри Босх слышал шум вертолета где-то там, высоко, над темнотой. Вертолет стрекотал в вышине, делая круги. Почему он не приземляется? Гарри двигался сквозь темный, задымленный туннель, и батарейки его ручного фонаря издыхали. С каждым преодолеваемым ярдом луч делался все слабее. Гарри нужна была помощь. Ему нужно было двигаться быстрее. Ему нужно было достичь конца туннеля прежде, чем свет погаснет и он останется один в крошечной тьме. Он слышал, как вертолет сделал еще один заход. Почему он не приземляется? Где же вожделенная помощь? Когда стрекотание лопастей донеслось уже издали, он почувствовал, что в нем нарастает ужас, и стал ползти быстрее: на четвереньках, на ободранных и кровоточащих коленях, одной рукой направляя тусклый луч вверх, а другой неуклюже цепляясь за землю, чтобы удержать равновесие.

весие. Он не оглядывался, так как знал, что враг находится у него за спиной, в этой черной мгле. Пускай невидимый, но он был там. И неумолимо приближался.

На кухне зазвонил телефон, и Босх разом проснулся. Он считал звонки, пытаясь вспомнить, включил ли автоответчик.

Нет, не включил. Телефонный вызов не был принят, и звонки продолжались, пока он не насчитал их восемь. Босх рассеянно размышлял, откуда пошла эта традиция. Почему не шесть? Не десять? Он протер глаза и огляделся. Опять он уснул — скорее, провалился в сон — у себя в комнате, в мягком кресле, которое являлось главным предметом его скромной мебелировки. Про себя Гарри именовал это кресло своим сторожевым постом. Это было, однако, неправильное употребление термина, поскольку он частенько засыпал в нем, даже когда не был настороже — иначе говоря, не ждал вызова.

Утреннее солнце пробилось сквозь щель в занавесках и прочертило полосу на выбеленном сосновом полу. Гарри наблюдал, как возле раздвижной застекленной двери лениво плавают в луче света частички пыли. Лампа на столике рядом с креслом горела, тихонько бормотал у стены телевизор — шла утренняя воскресная программа о любви к Иисусу. На столе лежал набор предметов, извечных друзей человека, страдающего бессонницей: игральные карты, журналы и детективные романы в мягких обложках (эти последние — едва пролистанные и отбракованные). Была тут также смятая пачка сигарет и три пустые разномастные бутылки из-под пива, некогда входившие в состав различных блоков, по шесть штук одного племени в каждом. Босх был полностью одет — вплоть до помятого галстука, прикрепленного к белой рубашке зажимом из серебра.

Он провел руками вниз вдоль тела, нащупывая брючный ремень, потом завел руку на поясницу. Подождал. Когда

зазвонил пейджер, он тут же отключил раздражающее чирканье. Потом снял устройство с пояса и взглянул на номер. Увидев, не удивился. Рывком встал с кресла, потянулся и похлопал себя по шее и спине, разминая затекшие суставы. Прошел в кухню, где на стойке стоял телефон. Прежде чем набрать номер, вынул из кармана пиджака записную книжку и написал: «Воскресенье, 8:53». После двух звонков с другого конца города послышался голос:

— Управление полиции Лос-Анджелеса, Голливудское отделение. У телефона офицер Пелч, чем могу служить?

— Концы можно отдать, пока прослушаешь всю эту музыку, — буркнул Босх. — Соедините меня с дежурным сержантом.

Он нашел в кухонном шкафчике непечатую пачку сигарет и сделал свою первую за этот день затяжку. Ополоснул пыльный стакан и наполнил его водой из водопровода, потом вытащил две таблетки аспирина из пластикового пузырька, также хранившегося в шкафчике. Он как раз глотал вторую, когда сержант по фамилии Краули наконец взял трубку.

— В чем дело, ты что, в церкви? Я звонил тебе домой. Там никто не отвечает.

— Краули, что там для меня?

— Ну, я, конечно, в курсе, что прошлой ночью ты был на выезде по поводу того телевизионного дела. Но ты все еще на дежурстве. Ты и твой партнер. Весь уик-энд. А стало быть, на вашей шее труп у Голливудского накопительного водохранилища. Найден в тамошней дренажной трубе. У подъездной дороги к Малхолланд-дэм. Знаешь, где эта дамба?

— Я знаю это место. Что еще?

— Патрульный наряд уже там. Ведомство патологоанатома и криминалистическая лаборатория извещены. Мои люди пока не знают, что у них на руках, — просто безымянный труп. Дал дуба футях в тридцати в глубине этой самой

трубы. Они не хотят сами туда лезть, затапывать следы и все такое, понимаешь? Я велел им сбросить на пейджер твоему напарнику, но тот так и не отзвонился. Сперва я подумал, может, вы с ним вместе. Потом решил: нет, он не в твоём вкусе. А ты не в его.

— Я с ним свяжусь. Если они не лазили в трубу, то как узнали, что это покойник, а не просто какой-нибудь бродяга, отсыпавшийся после дозы?

— Ну, они слегка углубились, понимаешь? Дотянулись палкой или еще чем и немножко потыкали в этого типа и вокруг. Задубелый, как член у новобрачного.

— Они не хотят затапывать следы, но шуруют вокруг тела палкой. Чудеса! Эти парни что, азов не знают?

— Послушай, Босх, мы получаем сигнал — мы обязаны его проверить. Верно? По-твоему, мы должны переводить все звонки насчет найденных трупов в отдел убийств? Да вы бы там, ребята, через неделю свихнулись.

Босх смял окурок в кухонной раковине из нержавеющей стали и посмотрел в окно. Скользнувший вниз по склону холма взгляд ухватил туристский трамвайчик, который двигался между громадными бежевыми зданиями звукозаписи в Универсал-Сити. Одно из этих длинных, в целый квартал, зданий было выкрашено в небесно-голубой цвет, и на нем были нарисованы клочья белых облаков: на случай натуральных съемок, когда настоящее небо над Лос-Анджелесом делалось желто-бурым, как спелая пшеница.

— Как поступил этот сигнал?

— Анонимный звонок в службу экстренной помощи. Вскоре после четырех утра. Диспетчер сказал, звонок поступил из платного таксофона на бульваре. Некто шатавшийся без дела в тех краях обнаружил в трубе труп. Именно звонивший не назвал. Просто сказал, что нашел покойника, вот и все. В коммуникационном центре есть запись разговора.

Босх почувствовал, что начинает заводиться. Он вынул из шкафчика пузырек с аспирином и сунул в карман. Обмоз-

говывая информацию о звонке, поступившем вскоре после четырех, он открыл холодильник и заглянул в него. Он не увидел ничего, что бы его заинтересовало. Посмотрел на свои часы.

— Краули, если звонок поступил в четыре утра, почему ты связался со мной только сейчас, почти пять часов спустя?

— Послушай, Босх, все, что у нас было, — это какой-то анонимный звонок. Понимаешь? Диспетчер сказала, что звонил какой-то мальчишка. Я что, должен посылать своих людей в эту трубу среди ночи после получения такой информации? Это могла быть просто ребячья шалость. Могла быть ловушка. Боже мой, могло быть все, что угодно! Я дождался, пока рассвело и у нас тут стало малость поспокойнее. В конце ночной смены послал туда кое-кого из своих ребят. Кстати, к вопросу об окончании смены: я все еще торчу здесь. Ждал известий от них, потом от тебя. Есть еще какие вопросы?

Босха подмывало спросить, не приходило ли Краули в голову, что в трубе одинаково темно шуровать палкой что в четыре часа утра, что в восемь, но он промолчал. Что толку?

— Что-нибудь еще? — снова спросил Краули.

Босх не мог ничего придумать, но сержант сам заполнил наступившую паузу:

— Гарри, это, скорее всего, просто какой-то наркоман, который сам по себе околдовался. Не похоже на убийство. Такое происходит сплошь да рядом. Черт, да помнишь, в прошлом году мы выудили одного из той же самой трубы? А, нет, это было еще до того, как ты перешел к нам, в Голливудский участок. Так вот, какой-то тип забрался в ту же самую трубу... ну, ты же знаешь, эти безработные, которые мигрируют с места на место в поисках работы, они постоянно там спят. Бродяга, тюрьма по нему плакала, вкатил себе хорошую дозу — и все, отдал концы. Разве что в тот раз мы не сразу его обнаружили, и под воздействием солн-

ца, да еще за двое суток, он спекся в этой трубе. Прожарился не хуже праздничной индюшки. Только вот запах был похуже.

Краули засмеялся собственной остроте. Босх воздержался. Дежурный сержант продолжал:

— Когда мы его вытащили, у него в руке все еще торчал шприц. Ну и здесь то же самое. Дурная работа, и ничего больше, таким случаям нет числа. Быстро туда стоняешь, а к полудню уже будешь дома, поспишь, может, сходишь и помотришь «Доджерс»¹. А в следующие выходные будет еще чья-нибудь очередь дежурить. Зато ты свободен, отдыхаешь. А это целых три дня. К следующим выходным примыкает День памяти павших² — он в твоём распоряжении. Так что сделай одолжение. Сходи посмотри, что у них там.

Босх несколько секунд раздумывал и уже собрался было положить трубку, но потом сказал:

— Краули, что ты имел в виду, когда сказал, что предыдущего не сразу обнаружили? Почему ты решил, что этого обнаружили вовремя?

— Мои ребята, которые выехали на место, говорят, что не чувствуют ни малейшего запаха от этого жмурика, разве что мочой пахнет. Он должен быть свеженьким.

— Скажи своим парням, я буду там через пятнадцать минут. Скажи, пусть ничего больше не трогают, не портят мне улики.

— Они только...

Босх знал, что Краули сейчас опять примется защищать своих людей, и дал отбой прежде, чем успел это услышать. Он закурил еще одну сигарету, пошел к входной двери, чтобы подобрать со ступеньки экземпляр принесенной почтальоном «Лос-Анджелес таймс». Разложил двенадцать фунтов воскресной газеты на кухонной стойке, спрашивая се-

¹ Имеется в виду бейсбольная команда Лос-Анджелеса.

² День памяти павших — последний понедельник мая.

бя, сколько же деревьев ради этого пошло под топор. Потом отыскал приложение, касающееся недвижимости, и начал пролистывать, пока не увидел большое рекламное объявление от риелторской фирмы «Вэллей-Прайд пропертиз» — о демонстрации продаваемого жилья. Пробежал пальцем вниз по списку домов, предназначенных для показа, пока не нашел один адрес и описание с пометкой «Спросить Джерри». Босх набрал указанный номер.

— «Вэллей-Прайд пропертиз», чем могу вам помочь?

— Джерри Эдгара, пожалуйста.

Прошло несколько секунд, Босх услышал пару щелчков коммутатора, а затем в трубке раздался голос его партнера:

— Джерри у телефона, чем могу быть полезен?

— Джед, мы только что получили еще один вызов. На Малхолланд-дэм. А пейджера при тебе нет.

— Черт! — сказал Эдгар.

Потом последовало молчание. Босх почти что слышал крутящиеся у того в голове мысли: «У меня на сегодня запланировано три показа!» Молчание затянулось, и Босх нарисовал в воображении своего напарника на том конце провода — в девятисотдолларовом костюме и с нахмуренным лицом банкрота.

— Что за вызов?

Босх рассказал ему то небольшое, что знал.

— Если хочешь, чтобы я сделал это в одиночку, я сделаю, — сказал Босх. — Если возникнут какие-нибудь проблемы с «шеф-поваром», я прикрою. Скажу ему, что ты разбираешься с телевизионщиками, а я занимаюсь жмуриком в трубе.

— Да, я знаю, что ты смог бы меня прикрыть. Ничего, все в порядке, я приеду. Только сначала найду кого-нибудь, кто бы прикрыл меня с этого фланга.

Они договорились встретиться возле трупа, и Босх положил трубку. Он включил автоответчик, взял две пачки сигарет из шкафчика и положил их в карман спортивной куртки. Потом потянулся к другому шкафчику, достал от-

туда нейлоновую кобуру, в которой находился его девяти-миллиметровый «смит-вессон» — отполированная нержавеющая сталь, — и зарядил его восемью патронами ХТР. Босх вспомнил о рекламном объявлении, касающемся этих пуль, которое видел однажды в полицейском журнале. Речь шла о том, что пуля при ударе расширяется в полтора раза и при достижении конечной глубины проникновения в тело оставляет раневые каналы максимальной ширины. Кто бы это ни написал, он прав. Годом раньше Босх убил человека одним таким выстрелом с двадцати футов. Пуля вошла под правой подмышкой, вышла ниже левого соска, по пути разнеся в куски сердце и легкие. Вот такая же пуля ХТР. Раневые каналы максимальной ширины. Гарри прикрепил кобуру на пояс с правой стороны с таким расчетом, чтобы можно было дотянуться левой рукой.

Он пошел в ванную и почистил зубы. Без пасты: он хоть и выходил из дому, но забыл заскочить в магазин. Мокрой расческой провел по волосам и уставился в свои покрасневшие глаза. Глаза сорокалетнего человека. Затем изучающе посмотрел на свои седые волосы, которые медленно, но верно вытесняли каштановые в кудрявой шевелюре. Даже усы начали сесть — теперь, бреясь, Босх стал замечать в раковине седые крапинки. Сейчас он провел рукой по подбородку, но решил не бриться. Затем вышел из дому, не сменив даже галстука. Он знал, что его клиент возражать не станет.

Босх отыскал место, свободное от голубинового помета, и облокотился на парапет, тянущийся по верху Малхолланд-дэм. С губ Босха свисала сигарета. Сквозь просвет между горами он смотрел на раскинувшийся внизу город. Небо было цвета черного пороха, и над Голливудом ядовитым облаком нависал смог. Лишь несколько отдаленных, расположенных в центре города башен прорывались сквозь него, но остальная часть была укутана этим саваном. Лос-Анджелес напоминал город-призрак.

Теплый весенний бриз доносил легкий химический запах, и, приняв хавшись, Босх распознал его. Это был малатион¹, инсектицид. Он уже успел услышать по радио, что ночью для борьбы с плодовой мушкой в небо поднимались сельскохозяйственные вертолеты и через перевал Кауэнга-Пэсс опрыскивали Северный Голливуд этим антипаразитным средством. Гарри вспомнил сон с боевым вертолетом, который так и не приземлился.

За его спиной простиралась широкая сине-зеленая гладь Голливудского водохранилища: 60 миллионов галлонов питьевой воды для нужд города, удерживаемых достаточно старой дамбой, перегораживающей каньон между двумя Голливудскими горами. По всей длине береговой линии водохранилище опоясывал шестифутовый обод из засохшей глины — как напоминание о том, что Лос-Анджелес переживает уже четвертый год засухи. А над ним, вокруг искусственного водоема, по всему периметру тянулся десятифутовый забор из проволочной сетки. Босх по приезде уже обследовал все это сооружение, задаваясь вопросом, служит ли оно преградой для людей, которые находятся по одну его сторону, или же для воды — по другую.

Сейчас поверх помятого костюма на Босхе был надет синий комбинезон. Через двойной слой обмундирования проступали под мышками и на спине пятна пота. Волосы тоже взмокли, усы обвисли. Причина была в том, что он уже слезил в трубу. Теперь он чувствовал, как теплое, ласковое поглаживание ветерка с гор Санта-Ана высушивает эту влагу с его шеи и затылка. В этом году ветры оттуда пришли рано.

Гарри был некрупным мужчиной. До шести футов ему не хватало нескольких дюймов, и телосложения он был худощавого. Газеты, описывая его, употребляли словечко «жилистый». Под мешковатым комбинезоном скрывались мышцы, тугие, словно нейлоновые канаты, — немалая сила при экономности габаритов. Проблескивающая в волосах седи-

¹ Малатион — инсектицид, фосфорорганическое токсичное соединение.

на тяготела к левой стороне. Темно-карие глаза редко выдавали эмоции или намерения.

Труба, о которой шла речь, располагалась поверх земли и тянулась на протяжении пятидесяти ярдов вдоль подъездной дороги. Изнутри и снаружи она была покрыта ржавчиной и использовалась только как убежище либо для живописных упражнений с краскораспылителем. Босх так и не смог догадаться о ее назначении, пока смотритель водохранилища добровольно не поделился с ним информацией. Труба являлась рассекателем для грязевых потоков. Ливни, сказал смотритель, могут размывать почву и вызвать сползание грязи по склонам прямо в резервуар. Труба шириной в три фута, оставшаяся от какого-то неведомого проекта развития района или еще какого бездумного замысла, была проложена в зоне прогнозируемого схода оползней как первый и единственный рубеж обороны. Труба удерживалась на месте с помощью опоясывающего ее железного обода толщиной в полдюйма, а внизу крепилась в цементе.

Прежде чем лезть в трубу, Босх натянул комбинезон, на котором поперек спины были напечатаны белые буквы «УПЛА» — Управление полиции Лос-Анджелеса. Босх вдруг осознал, что спецодежда, пожалуй, почище, чем тот костюм, который он старается уберечь с ее помощью. Но он все равно надел комбинезон, потому что всегда имел обыкновение его надевать. Он был методичным, консервативным, суеверным копом.

Когда он с фонариком в руке забрался в пропахший сыростью и плесенью, давящий и тесный, вызывающий клаустрофобию цилиндр, то почувствовал, как горло стянул спазм, а сердце забилося в ускоренном ритме. Страх. Однако уже в следующую секунду он щелкнул кнопкой фонарика, и темнота отступила, унося с собой неприятные ощущения, и Гарри принялся за работу.

И вот сейчас он стоял на плотине, курил и размышлял о разных разностях. Дежурный сержант Краули был прав: человек в трубе был, безусловно, мертв. Но он был также

и не прав. Это нынешнее дело окажется отнюдь не простым. И Гарри не вернется домой рано, чтобы вздремнуть после полудня или посмотреть игру «Доджерс». Дела обстояли неладно. Гарри не успел проникнуть вглубь трубы и на десять футов, как убедился в этом.

В трубе не было следов. Или, точнее, не было следов, полезных для следствия. Днище было покрыто слоем засохшей рыжей грязи и завалено бумажными пакетами, пустыми винными бутылками, ватными тампонами, использованными шприцами, подстилками из газет — всем тем мусором, который остается после бездомных и наркоманов. Гарри тщательно осмотрел это все под лучом фонарика и стал медленно продвигаться к телу. И он не обнаружил ясного следа, оставленного покойником, который лежал головой вперед, ногами к выходу. Что-то здесь было не так. Если бы мертвец вполз внутрь по собственному почину, то были бы какие-то признаки, указывающие на это. Если его втащили, тоже остались бы какие-то следы. Но ничего такого не было, и это отсутствие было только первым из тех тревожных признаков, что не понравились Босху.

Когда он подобрался к телу, то обнаружил, что рубашка мертвого — черная, без пуговиц, с открытым воротом-лодочкой — задрана на голову, как если бы ее начали снимать, и там же, внутри ее, над головой, остались его сплетенные руки. Босх повидал достаточно покойников, чтобы знать: в предсмертный миг нет буквально ничего невозможного. Однажды он расследовал случай самоубийства, где человек, пустивший себе пулю в лоб, после этого, перед тем как умереть, сменил штаны, очевидно не желая, чтобы его тело было найдено плавающим в моче. Но в данном случае положение рубашки и рук лежащего в трубе покойника не понравилось Гарри. Сыщику представлялось, что тот, кто втащил тело в трубу, втаскивал его за шиворот.

Босх не стал трогать тело и снимать с лица рубашку. Он не заметил непосредственных следов повреждений, повлекших смерть. Закончив обследование тела, Босх акку-

ратно перелез через труп — при этом лицо мертвеца находилось от него на расстоянии полуфута — и продолжил путь по оставшемуся сорокаярдовому отрезку трубы. Он не обнаружил ни следов, ни чего-либо другого, представляющего очевидную ценность. Через двадцать минут, выбравшись на свет божий, он отправил внутрь трубы эксперта-криминалиста, специалиста по обследованию мест преступления Донована, чтобы тот набросал схему расположения мусора и заснял на видео местоположение тела. На лице Донована отразилось удивление, когда он услышал, что ему надо лезть в трубу при расследовании случая, который он уже списал как смерть от передозировки. Очевидно, у него в кармане лежат билеты на «Доджерс», подумал Босх.

Оставив место преступления на попечение Донована, Босх зажег сигарету и подошел к парапету плотины, чтобы взглянуть вниз на загрязненный город и пораскинуть мозгами.

Отсюда ему был слышен доносящийся снизу шум уличного движения с Голливудской автострады. С такого расстояния он казался почти что нежным и ласковым. Как рокот океана в безветренную погоду. Сквозь расщелину каньона внизу виднелись голубые плавательные бассейны и испанские черепичные крыши.

Мимо него по дамбе пробежала женщина в белом топе и зеленых, оттенка лайма, спортивных шортах. Сбоку на поясе у нее висел аудиоплеер, и тонкий желтый провод тянулся к наушникам. Похоже, она пребывала в своем собственном мире и даже не замечала сосредоточения полицейских сил прямо у себя по курсу, пока не достигла желтой ленты, отгораживающей место преступления на дальнем конце плотины. Надпись на ленте призывала ее остановиться. Некоторое время женщина бежала на месте — светлые волосы прилипли к потным плечам, — с любопытством глядя на полицейских, которые тоже наблюдали за ней. Затем развернулась и мимо Босха побежала обратно. Он проводил ее взглядом и заметил, что, пробегая мимо здания

насосной, она чуть отклонилась от курса, будто стараясь избежать столкновения с чем-то. Гарри прошел туда и обнаружил на замощенной поверхности стекло. Подняв голову, увидел над дверью насосной разбитую лампочку в патроне. Он мысленно дал себе поручение спросить смотрящего, давно ли заменяли лампочку.

Когда Босх вернулся на прежнее место у перил, его внимание привлекло неясное движение внизу. Приглядевшись, он увидел койота, вынюхивающего что-то среди сосновой хвои и мусора, покрывавших землю под деревьями у дамбы. Животное было маленьким, и его шубка была грязной, местами шерсть полностью вылезла. Лишь совсем небольшое количество этих зверей оставалось сейчас в охраняемых зонах, под защитой города, где они добывали пропитание, копаясь в отбросах, остающихся после таких же промышляющих отбросами людей.

— Его сейчас вытаскивают, — услышал он за спиной.

Босх обернулся и увидел одного из патрульных, высланных на место преступления. Он кивнул и последовал за ним, а затем, поднырнув под желтую ленту, снова приблизился к трубе.

Гулкая какофония из ворчанья, кряхтения и пыхтения доносилась из входного отверстия трубы, изрисованной письменахми граффити. Наконец оттуда, пятясь задом, выбрался человек без рубашки, с изрядно перепачканной и исцарапанной спиной, таща за собой толстое черное пластиковое полотнище, на котором лежало тело. Мертвец по-прежнему лежал лицом вверх, и его голова и руки были по-прежнему почти полностью скрыты завернутой наверх черной рубашкой. Босх огляделся в поисках Донована и увидел, что тот укладывает видеокамеру в заднюю часть голубого микроавтобуса с криминалистическим оборудованием. Гарри подошел к нему:

— Знаешь, мне понадобится, чтобы ты еще раз туда слезил. Весь этот тамошний хлам, газеты, жестянки, пакеты...

я там заметил несколько шприцев и ватные тампоны. Мне надо, чтобы все это было разложено в пакеты для вещдоков.

— Все сделано, — сказал Donovan. Он выдержал краткую паузу и добавил: — Я вовсе не хочу спорить, но, знаешь, Гарри... послушай... ты правда думаешь, что все это имеет смысл? Стоит ли это дело того, чтобы нам ради него сбивать себе коленки?

— Полагаю, мы узнаем это после вскрытия. — Он зашагал было прочь, но потом остановился. — Послушай, Донни, я понимаю: сегодня воскресенье и все такое... Спасибо, что слазил еще раз.

— Нет проблем. Для меня это просто как «Отче наш», это моя работа.

Над телом сидели на корточках человек без рубашки и эксперт из службы коронеров. На обоих были белые резиновые перчатки. Криминалистом был Ларри Сакаи, человек, которого Босх знал в течение долгих лет, но к которому никогда не испытывал симпатии. Рядом с ним на земле лежала открытая пластиковая сумка с профессиональными принадлежностями. Он вытащил из сумки скальпель и сделал на правом боку трупа надрез длиной в дюйм. Ни капли крови не вытекло из этой части тела. Затем он извлек из сумки термометр и приторочил его к концу искривленного зонда. Ввел зонд в надрез, искусным, но твердым движением поворачивая его и направляя вверх, в пещень.

Стоящий рядом человек без рубашки недовольно скривился, и Босх заметил синюю слезу, вытатуированную у него с внешней стороны правого глаза. Каким-то образом это показалось Босху вполне соответствующим ситуации. Это было наибольшее проявление сочувствия, на какое мог здесь рассчитывать покойник.

— С определением времени смерти придется попариться, — сказал Сакаи, не поднимая головы от работы. — Сам понимаешь, эта труба, где происходит неконтролируемый

рост температуры, грозит смазать всю температурную динамику в печени. Мой помощник, Осито, проводил замеры: сначала был восемьдесят один градус, а уже через восемь минут стало восемьдесят три. И в теле, и в трубе температура постоянно меняется.

— Ну и?.. — подтолкнул его Босх.

— Ну и стало быть, здесь, на месте, я тебе ничего не скажу. Мне нужно забрать все это с собой и произвести некоторые вычисления.

— Ты хочешь сказать, что передашь это кому-то другому, кто умеет рассчитывать? — спросил Босх.

— Не волнуйся, дружище, ты получишь результат, когда придешь на вскрытие.

— Кстати, а кто сегодня режет?

Сакаи не ответил. Он был целиком поглощен возней с ногами покойника. Он снял с него туфли и принялся производить какие-то манипуляции с лодыжками. Потом провел руками вдоль ног снизу вверх; затем, подсунув руки под ляжки, приподнял каждую ногу, наблюдая, как она гнется в колене. Затем стал нажимать на живот, как если бы пытался отыскать контрабанду. Наконец очередь дошла до задранный наверх рубашки — он подлез под нее и постарался повернуть голову покойника. Она не поворачивалась. Босх знал, что трупное окоченение начинается с головы и постепенно, двигаясь через все тело, достигает конечностей.

— Шея этого парня уже застыла, но в хорошем состоянии, — сказал Сакаи. — Начинает схватывать живот. Но конечности все еще хорошо двигаются.

Он достал из-за уха карандаш и обратным концом — там, где был ластик, — надавил на кожу на боку трупа. Та половина тела, что прилегала к земле, была лиловой, словно тело было наполовину заполнено красным вином. Это были так называемые трупные пятна. Когда сердце перестает качать кровь, она скапливается в нижней части те-

ла. Когда Сакаи ткнул карандашом в потемневшую кожу, а потом отпустил, то в этой точке не осталось белого пятна — признак того, что кровь полностью свернулась. Человек был мертв уже долгие часы.

— Трупные пятна устойчивы, — сказал Сакаи. — Это, а также степень трупного окоченения вынуждает меня заключить, что этот малый мертв, вероятно, часов шесть — восемь. Так что тебе придется подождать, Босх, пока мы не разберемся с температурой.

Говоря все это, Сакаи так и не поднял голову. Вместе с тем парнем, которого он представил как Осито, они начали выворачивать карманы зеленых солдатских брюк мертвеца. Те оказались пусты, как и большие мешкообразные карманы по бокам брючин. Потом они перевернули тело, чтобы проверить задние карманы. Пока они это делали, Босх наклонился, чтобы поближе рассмотреть открывшуюся взору спину покойника. Кожа была лиловой и грязной. Но он не увидел царапин или отметин, которые позволили бы заключить, что тело тащили.

— В брюках ничего нет, Босх. Никакого удостоверения личности, — сказал Сакаи, все так же не удаляя его взглядом.

Потом они начали осторожно, через голову натягивать черную рубашку обратно на туловище. У мертвеца оказалась всклокоченная шевелюра, в которой было больше седины, чем природных черных волос. У него была также неухоженная, неряшливая борода, и выглядел он лет на пятьдесят, что позволило Босху заключить, что ему было примерно сорок. В нагрудном кармане рубашки что-то было, и Сакаи, выудив это, изучал несколько мгновений, а затем положил в пластиковый мешок, который напарник держал открытым.

— Готово! — провозгласил Сакаи, протягивая мешок Босху. — Один комплект улики готов. Намного облегчает наши задачи.

Сакаи приоткрыл веки мертвеца. Глаза были голубыми, с молочно-белой оболочкой. Зрачки сужены примерно до размеров карандашного грифеля. Они безжизненно уставились на Босха — каждый зрачок словно крохотная черная пустота.

Сакаи сделал несколько пометок в блокноте. Он уже ранее вынес свое суждение по данному делу. Затем из стоящего рядом ящика с техническими принадлежностями достал штемпельную подушечку и карточку для снятия отпечатков пальцев. Специальной краской намазал пальцы левой руки и начал поочередно прижимать их к карточке. Босх с восхищением смотрел, как быстро и умело он это предельвает. Но вдруг Сакаи остановился:

— Эй! Взгляни-ка...

Он осторожно пошевелил указательный палец трупа. Палец легко двигался во всех направлениях. Сустав был явно сломан, но не было никаких признаков опухоли или кровоизлияния.

— По-моему, это случилось уже после смерти, — сказал Сакаи.

Босх наклонился, чтобы рассмотреть получше. Не надевая перчаток, он взял у Сакаи руку мертвого и пощупал обеими руками. Подозрительно посмотрел на Сакаи, потом на Осито.

— Босх, давай не будем! — огрызнулся Сакаи. — Не смотри на него так. Он отлично знает свое дело. Я сам его натаскивал.

Босх не стал напоминать Сакаи, что это именно он вел микроавтобус службы судмедэксперта, из которого несколько месяцев назад прямо на автостраду Вентура вывалилось примотанное к больничной каталке тело. В самый час пик. Каталка покатила к съезду на бульвар Ланкершим и ударила в заднюю часть машины, стоявшей на автозаправочной станции. Из-за стекловолоконной перегородки в микроавтобусе Сакаи так и не заметил, что потерял покойника, — до тех самых пор, пока не приехали в морг.

Босх отдал руку мертвеца обратно криминалисту. Сакаи повернулся к Осито и что-то спросил по-испански. Маленькое смуглое лицо Осито стало очень серьезным, и он отрицательно покачал головой.

— Говорит, что даже не дотрагивался там в трубе до рук этого парня. Так что дождись вскрытия, прежде чем намекать на то, в чем не уверен.

Сакаи закончил снимать отпечатки и протянул карточку Босху.

— Оберни ему кисти пакетом, — бросил Босх, хотя в этом напоминании не было необходимости. — И ступни.

Он выпрямился и помахал карточкой, чтобы дать краске высохнуть. Другой рукой он держал на отлете только что полученный от Сакаи пластиковый мешок для вещдоков. В нем резинкой были стянуты вместе игла для подкожных инъекций, маленький пузырек, наполовину наполненный чем-то напоминавшим грязную воду, пучок ваты и упаковка спичек. Это была так называемая аптечка наркомана, и выглядела она совершенно новой. Игла была чистой, без признаков коррозии. Вата, как прикинул Босх, использовалась в качестве фильтра только раз или два. В ее волокнах застряли крохотные беловато-коричневые кристаллики. Поворачивая пакет, он разглядел со всех сторон упаковку спичек и увидел, что не хватает всего двух.

В этот момент из трубы выполз Донован. На нем была шахтерская каска с фонариком. В одной руке он держал несколько пластиковых мешков — в каждом была или пожелтевшая газета, или пищевая обертка, или смятая банка из-под пива. В другой руке он нес блокнот, на котором отмечал места обнаружения в трубе каждого предмета. По бокам его каски свисала паутина. По лицу стекал пот, капая на респиратор вроде малярного, прикрывавший рот и нос. Увидев Босха, держащего в вытянутой руке снаряжение наркомана, наполовину вылезший из трубы Донован остановился.

— Ты нашел там «плитку»? — спросил Босх.

— Черт, так он ширяльщик? — отозвался Донован. — Ну! Я же так и знал. Тогда на кой хрен мы всем этим занимаемся?

Босх не ответил. Он ждал, пока тот полностью выбежится.

— Ответ будет «да». Я нашел банку из-под колы, — сказал Донован.

Криминалист посмотрел на пластиковые пакеты в своей руке и протянул один Босху. В нем лежали две половинки жестянки из-под напитка. Довольно новая с виду банка ножом была разрезана пополам. Нижняя половина была перевернута: ее вогнутое днище использовалось как площадка, чтобы готовить вареву из героина с водой. «Плитка!» Большинство ширяльщиков больше не пользовались ложками. Таскать с собой ложку — за это могли и арестовать. Банку же было легко достать, с ней было легко управляться и не жалко выбросить.

— Нам нужно как можно скорее снять отпечатки с «аптечки» и с «плитки», — сказал Босх.

Донован кивнул и понес свой улов в виде пластиковых мешков к полицейскому фургону. Босх снова переключил внимание на экспертов службы патологоанатома.

— Ножа ведь при нем нет? — сказал Босх.

— Нет, — согласился Сакаи. — А что?

— Мне нужен нож. Без ножа картина не полная.

— Ну так что? Парень же наркоман. А наркоманы крадут друг у друга. Наверное, дружки и забрали.

Затянутыми в перчатки руками Сакаи закатал рукава рубашки мертвеца. Взору открылась сеть шрамов на обеих руках. Старые следы от укусов, углубления от нарывов и инфекций. На изгибе левого локтя была свежая отметина от шприца, а под кожей — здоровенный желтовато-лиловый синяк.

— Вот оно! — сказал Сакаи. — Мое мнение таково: этот тип засадил себе хорошую порцию и — привет семье! Как я уже сказал, Босх, мы имеем банальный случай передози-

ровки. Ты сегодня рано встал. Пойди отдохни, посмотри «Доджерс».

Босх снова сложился в три погибели, чтобы рассмотреть находку.

— Я только это сегодня и слышу.

«Вероятно, Сакаи прав», — подумал он. Но ему все-таки не хотелось пока отступить от этого дела. Слишком много тут было всего, что ему не нравилось, что не укладывалось в схему. Отсутствие следов в трубе. Рубашка, натянутая на голову. Сломанный палец. Опять же отсутствие ножа.

— Почему все следы от уколов старые, кроме одного? — спросил он скорее самого себя, чем Сакаи.

— Кто знает? — ответил тот. — Может, он какое-то время был в завязке, а потом решил вернуться. Наркоман есть наркоман. Какие тут могут быть разумные причины?

Разглядывая отметины на руках покойника, Босх заметил на коже что-то похожее на синие чернила. Оно выглядывало из-под рукава, складками собранного на левом бицепсе. Взору открывалось недостаточно, чтобы разобраться, что это такое.

— Закатай повыше, — указал он на рукав.

Сакаи подтянул рукав к самому плечу, обнажая татуировку, выполненную в синем и красном цвете. То было шаржированное изображение стоящей на задних лапах крысы, которая грубо и зловеще скалилась. В одной лапе крыса держала пистолет, в другой — бутылку виски, на которой было написано: «XXX». Синяя надпись выше и ниже картинка размазалась от времени и растяжения кожи. Сакаи постарался ее прочесть.

— Написано «Порт...», нет, «Первый». «Первый пехотный». Этот парень из армейских. Нижняя часть неразборчива... На другом языке... «Рог... гратум... анум... ро...» Ничего не разберу.

— Родентум, — сказал Босх.

Сакаи удивленно посмотрел на него.

— Вульгарная латынь, — пояснил Босх. — «Крысиного хвоста не стоит». Он был «туннельной крысой». Вьетнам.

— Да хоть кем, — отозвался Сакаи. Он оценивающе посмотрел на тело, потом на трубу. — Как бы то ни было, он и закончил свои дни в норе, верно? В каком-то смысле.

Рукой без перчатки Босх дотронулся до лица трупа и откинул со лба и с безучастных глаз спутанные черно-седые волосы. Тот факт, что он проделал это, не надев перчаток, заставило остальных оторваться от своих занятий и наблюдать за этим необычным, если не антисанитарным действием. Босх не обратил на них внимания. Он долго всматривался в мертвое лицо, ничего не говоря, не слыша ничьих слов. В тот момент, когда он понял, что ему знакомы эти черты, так же как знакома и татуировка, перед его мысленным взором словно вспыхнуло другое лицо — лицо молодого человека. Тощего и загорелого, коротко, почти наголо, подстриженного. Живого, а не мертвого. Он выпрямился и поспешно отвернулся от трупа.

Производя это резкое движение, он воткнулся в прибывшего наконец Джерри Эдгара, который, приблизившись, тоже склонился над трупом. От неожиданности оба отпрянули. Босх схватился за лоб. Эдгар, который был много выше, — за подбородок.

— Черт, Гарри! — вырвалось у Эдгара. — Ты жив?

— Угу. А ты?

Эдгар посмотрел руку, проверяя, нет ли крови.

— Ага. Извини, что так получилось. Ты что так подкакиваешь?

— Не знаю.

Поверх плеча Босха Эдгар взглянул на мертвое тело и затем последовал за своим напарником в сторону от сгрудившейся группы людей.

— Извини, Гарри, — произнес Эдгар. — Я час просидел там, ожидая, пока кто-нибудь появится, чтобы прикрыть меня на посту. Так расскажи, что у нас там.

Произнося все это, Эдгар все еще потирал челюсть.

— Пока точно не знаю, — ответил Босх. — Я хочу, чтобы ты залез в одну из этих патрульных машин, где есть мобильный терминал. Такой, что работает. Посмотри, не сможешь ли ты раздобыть данные по уголовной биографии на Медоуза Билли... мм... пусть будет Уильям. Дата рождения — примерно тысяча девятьсот пятидесятый. И еще в Управлении автотранспорта надо получить его адрес.

— Это тот жмурик?

Босх кивнул.

— А что, в удостоверении личности нет адреса?

— При нем нет никакого удостоверения. Я проверил. Так что посмотри в базе данных. Должно быть какое-то упоминание за последние несколько лет. Хотя бы из полицейского отделения в Ван-Найсе, по поводу наркотиков.

Эдгар медленно двинулся прочь, в сторону припаркованных полицейских машин, чтобы найти такую, где был бы мобильный компьютерный терминал, встроенный в приборную панель. Так как он был крупным мужчиной, его походка казалась медленной, но Босх по опыту знал, что за его напарником было трудно угнаться. На Эдгаре был безупречно сшитый коричневый костюм в тонкую белую полосу. Волосы коротко подстрижены, а кожа — темная и глянцевая, как у баклажана. Босх смотрел ему вслед и невольно задавался вопросом: не специально ли тот подгадал чуть-чуть опоздать, избегнув тем самым необходимости надевать комбинезон, лезть в трубу и мять свой элегантный прикид?

Босх подошел к багажнику своей машины и вытащил «поляроид». Потом вернулся к трупу и, расставив ноги по обеим сторонам от него, начал фотографировать лицо. Трех штук должно хватить, решил он, поочередно выкладывая выплюнутые камерой снимки на крышу трубы для проявки. Он не мог заставить себя перестать всматриваться в это лицо, изменившееся со временем. Он думал об этом лице и о некогда игравшей на нем пьяной ухмылке — это было в ту ночь, когда все «крысы» Первого пехотного высыпали

из тату-салона в Сайгоне. Процедура заняла у изнуренных алкоголем и наркотиками американцев четыре часа, но теперь все они сделались кровными братьями — благодаря тому, что выжгли у себя на теле одно и то же клеймо. Босху вспомнились шальная веселость Медоуза в этом братстве и тот страх, который все они делили между собой.

Гарри отошел от тела, а тем временем Сакаи и Осито стали разворачивать черный мешок из толстого пластика с молнией, доходящей до середины. Как только мешок для упаковки трупа был развернут и раскрыт, сотрудники службы коронеров подняли тело Медоуза и поместили его внутрь.

— Вылитый чертов Рип ван Винкль¹, — заметил подошедший Эдгар.

Сакаи закрыл молнию, и Босх заметил, что несколько курчавых седых волос Медоуза застряли в ее зубьях. Но Медоуз не станет возражать, ему теперь все равно. Как-то раз он сказал Босху, что ему суждено закончить жизнь в мешке для трупов. А потом добавил, что это и всем суждено.

Эдгар держал в одной руке маленький блокнот, в другой — золотую ручку «Кросс».

— Уильям Джозеф Медоуз, родился двадцать первого июля пятидесятого года. Звучит похоже, Гарри?

— Да, это он.

— Что ж, ты был прав, на него у нас много чего есть. Но в основном не по части дури. Есть ограбление, попытка ограбления, хранение героина. Примерно год назад его загребли здесь же, на плотине, за подозрительное бродяжничество. И верно, была пара обвинений в употреблении наркотиков. Тот арест в Ван-Найсе, о котором ты говорил. А почему он тебя так интересуется? Твой агент?

— Нет. Достал адрес?

¹ *Рип ван Винкль* — герой одноименной новеллы В. Ирвинга, проспавший двадцать лет.

— Проживает в Долине¹. В Сепульведе, рядом с пивоваренным заводом. Район, в котором трудно продать недвижимость. Так если он не был информатором, почему у тебя контакты с этим типом?

— Никаких контактов... во всяком случае, в последнее время. Я знал его в другой жизни.

— Что это значит? Когда ты знал этого парня?

— Последний раз я видел Билли Медоуза лет двадцать назад. Или около того. Он был... Это было в Сайгоне.

— Да, тогда действительно выходит двадцать лет. — Эдгар прошел к поляроидным снимкам и взгляделся в три сделанных Босхом портрета. — Ты его хорошо знал?

— Не особенно. Ровно настолько, насколько вообще кто-либо там мог знать кого-либо. Ты привыкаешь доверять людям свою жизнь, а затем, когда она на исходе, вдруг понимаешь, что даже толком не знал большинства из них. Я никогда не встречался с ним по возвращении. Один раз, в прошлом году, говорил с ним по телефону — вот и все.

— Как ты его узнал?

— Я и не узнал сначала. Потом увидел татуировку на руке. Тогда и лицо всплыло в памяти. Наверное, такие парни, вроде него, не забываются. Со мной, по крайней мере, так.

— Наверное...

На некоторое время в разговоре образовалась пауза. Босх пытался решить, что делать дальше, но мог только вновь и вновь дивиться подобному совпадению: его вызвали на место преступления для того, чтобы он обнаружил там мертвого Билли Медоуза. Эдгар нарушил его мечтательность:

— Так ты не хочешь рассказать, что тебе кажется здесь подозрительным? А то Донован там сейчас от злости в штаны наложит оттого, что ты заставил его все это проделать.

¹ Имеется в виду долина Сан-Фернандо.

Босх рассказал Эдгару о замеченных им странностях, об отсутствии четких следов в трубе, о рубашке мертвеца, наполовину стянутой через голову, о сломанном пальце и том, что не найден нож.

— Какой нож? — переспросил напарник.

— Должен же он был чем-то распилить банку, чтобы сделать из нее «плитку»... если только это его «плитка».

— Он мог принести ее с собой. Могло также случиться, что кто-то забрался внутрь и унес нож уже после его смерти. Если, конечно, был нож.

— Да, все могло быть. Но нет никаких следов, чтобы определить это.

— Ну, мы же знаем из его списка судимостей, что он был закоренелый наркоман. Он был таким и в прежние времена, когда ты его знавал?

— В определенной степени. Сам употреблял и приторговывал.

— Ну вот и ответ: наркоман с многолетним стажем. Невозможно предугадать, что они выкинут, когда душа горит забалдеть или когда уже балдеют. Они конченные люди, Гарри.

— Хотя, вообще-то, он завязал... по крайней мере, я так думал. И на руке у него свежий след только от одного укола.

— Гарри, ты сам сказал, что не видел парня со времен Сайгона. Как ты можешь знать, завязал он или нет?

— Я его не видел, но я говорил с ним. Как-то раз он позвонил мне, где-то с год назад. В июле или августе, кажется. У него был арест в Ван-Найсе. Его забрали как наркомана, основываясь на следах от иглы. Каким-то образом, из газет или еще как, он узнал, что я коп, — это было примерно в то время, когда проходило дело Кукольника. Тогда я еще работал в городской полиции Лос-Анджелеса. Он позвонил мне туда, в отдел убийств и ограблений, из тюрьмы Ван-Найса. Спросил, не могу ли я его выручить. Он провел в окружной тюрьме только дней тридцать, но сказал, что находится на пределе. И... да, он еще сказал, что просто

не сможет на этот раз отмотать весь срок, не сможет вот так, в одиночку, завязать...

Босх умолк, не договорив. После долгой паузы Эдгар подстегнул его:

— И что же? Продолжай, Гарри, что ты сделал?

— И я ему поверил. Я поговорил с тамошним копом. Помню, что его звали Наклз. Я тогда еще подумал: хорошее имя для уличного полицейского. Я позвонил в Министерство по делам ветеранов в Сепульведе и добился, чтобы его включили в программу. Наклз тоже в этом участвовал. Он сам тоже ветеран. Он добился, чтобы прокурор города попросил судью о снисхождении. Ну и клиника Министерства по делам ветеранов приняла Медоуза на амбулаторное лечение. Через шесть недель я справился, как там у него дела, и мне сказали, что он прошел курс, завязал и у него все в порядке. То есть мне так сказали. Говорили, что он находится на втором уровне программы поддержки. Говорили о психотерапии, о занятиях в группе... Сам я после того звонка больше не общался с Медоузом. Он мне больше не звонил, а я тоже не пытался его разыскивать.

Эдгар с умным видом сверился со своим блокнотом. Босх увидел, что страница, на которую тот якобы смотрит, пуста.

— Послушай, Гарри, — сказал Эдгар, — все равно это было почти год назад. Немалое время для наркомана, верно? Кто знает? Он мог с тех пор трижды сорваться и снова завязать. Это уже не наша забота. Вопрос в том, что ты думаешь делать с нынешним подарком. Как собираешься поступить с этим делом?

— Ты веришь в совпадения? — спросил Босх.

— Ну, не знаю, я...

— Совпадений не бывает.

— Гарри, я не понимаю, о чем ты толкуешь. Но знаешь, что я думаю? Я не вижу здесь ничего вопиющего. Мужик забирается в трубу, — может, в темноте он плохо видит, что

делает, вкатывает себе слишком большую дозу и отдает концы. Вот и все. Может, с ним был кто-то еще, и, уходя, тот человек уничтожил следы. И нож забрал. Могла быть сотня...

— Иногда и нет вопиющих улик, Джерри. Вот в чем проблема. Сегодня воскресенье. Всем хочется поскорее пойти домой. Играть в гольф. Продавать дома. Смотреть бейсбол. По разным причинам, но всем наплевать. Все делается спустя рукава, только для профформы. Разве ты не видишь, что именно на это они и рассчитывали?

— Кто «они», Гарри?

— Те, кто это сделал.

Он умолк. Никого эти доводы не убеждали — даже он сам был в сомнении. Было неправильно играть на чувстве лояльности Эдгара. Он уйдет с этой работы, как только отработает свои двадцать лет. Тогда он поместит в профсоюзном бюллетене рекламное объявление размером с визитную карточку: «Отставной офицер полиции Лос-Анджелеса срежет комиссионные для своих собратьев-полицейских» — и будет зарабатывать по четверти миллиона в год, продавая дома копам или для копов в долине Сан-Фернандо, или в долине Санта-Кларита, или в долине Антилопа, или еще в какой-нибудь долине, куда в следующий раз нацелится бульдозер.

— Зачем ему было лезть в трубу? — наконец проговорил Босх. — Ты сказал, он жил в Долине. В Сепульведе. Зачем было тащиться сюда?

— Ну кто его знает, Гарри?.. Парень ширялся. Может, его жена выгнала. Может, он отбросил коньки где-нибудь поблизости, а дружки оттащили его мертвую задницу сюда, потому что не хотели объясняться с полицией?

— Все равно это преступление.

— Да, это преступление, но ты мне свистни, когда найдешь такого окружного прокурора, который специально для тебя возбудит по нему уголовное дело.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I	7
ЧАСТЬ II	90
ЧАСТЬ III	158
ЧАСТЬ IV	225
ЧАСТЬ V	265
ЧАСТЬ VI	337
ЧАСТЬ VII	408
ЧАСТЬ VIII	450
ЧАСТЬ IX	479
Эпилог	506
Благодарности	510